

Пинор Горалик—

писатель, журналист, преподаватель
НИУ «Высшая школа экономики»
(Москва) и Московской
высшей школы социальных
и экономических наук (Москва).

Позор и гордость: переделка одежды как «сверхсоветская» практика в «смешенных девяностых»

Сложно было в гардеробе найти
что-то в изначальном виде, все было
изначально чем-то другим.

Ирина Свиридова, участница опроса

В этом был эпатаж. В этом была свобода.
В этом была радость. В этом была доля клоунады.
В этом был дух времени.

Екатерина Демидова, участница опроса

Стыдно рассказывать.
Дмитрий Аношин, участник опроса

1 Человек сверхсоветский: старые вестиментарные практики в новом постсоветском мире

«И в 90-е, и раньше я перешивала все, что могла найти в шкафах у родственников, — написала Мири Цук, участница устроенного мной опроса о переделках одежды в 1990-х годах (подробнее о нем речь пойдет ниже). — Особенно гордилась джинсовой юбкой из дядиных протертых штанов, даже в школу в ней ходила в старших классах.

Как вспоминаю, до сих пор обдает волной стыда, до того был фасон пошлый и исполнение корявое, но тогда все носили, что попало, а претензии были только у учителей, но я врала, что на форму денег нет»¹. При желании на анализе этого высказывания можно было бы построить весь задуманный мною текст — так удачно оно инкапсулирует основные проблемы, кажущиеся автору важными в рамках заявленной темы. Здесь упоминается и «раньше» — то есть период, предшествующий собственно 1990-м годам, и обнаружение вещей в шкафах у родственников, и тотальность подразумеваемой практики в рамках одного частного гардероба и в рамках всего социума, и гордость за уникат, получившийся в результате кустарного *refashioning*-а, и последующий, «взрослый», стыд за его качество, и часто возникающая тема лжи окружающим касательно собственной вестиментарной ситуации — и все это лишь те аспекты сказанного, которые лежат относительно на поверхности.

Заданный мной в собственном Facebook² и в Facebook проекта личных историй PostPost.Media³ вопрос «Как вы переделывали вещи в 1990-х годах и какие эмоции при этом испытывали?» собрал около трехсот двадцати ответов, которые мне удалось дополнить примерно тридцатью офлайн-интервью; этот корпус был значительно расширен за счет использования материалов, собранных мной при работе над эссе «Антресоли памяти: воспоминания о костюме 1990 года» (Горалик 2007). Эти ответы совершенно очевидным образом показывают среди прочего, что изолированный разговор о российских 1990-х как о жестком хронотопе применительно к вестиментарной ситуации может оказаться несколько искусственным: судя по всему, имеет смысл говорить о «смещенных девяностых», то есть о периоде, начавшемся в конце 1986 года, со стартом второго этапа перестройки и эпохи гласности, приведших к потеплению отношений с Западом, смягчению цензуры, доктрине нового мышления, появлению кооперативов и распаду прежних дресс-кодов в частности и прежнего вестиментарного языка в целом (там же). В огромном числе случаев респонденты фактически не различают (когда речь идет именно о вестиментарных практиках) последние годы существования СССР и начало 1990-х годов, так как эти практики служили ответами на одни и те же общеизвестные вызовы: от острого усугубления проблемы дефицита до необходимости изменения стратегий само моделирования в условиях нового, несовершенного и не полностью сформированного вестиментарного языка (там же), от появления новых образов для модного подражания в виде западной прессы и западных сериалов и кинофильмов

до усиления и легализации частной торговли и необходимости интеграции предлагаемых ей товаров в гардеробный обиход в зависимости от финансовых возможностей респондента и его семьи. В силу всего вышесказанного именно об этом периоде — о «смещенных девяностых» — в этом эссе и пойдет речь.

Практику переделки предметов гардероба — их перешивания, перемоделирования, редекорирования и создания из предметов, не относившихся прежде к области вестиментарного (для наших целей объединим их не идеально точным, но вполне подходящим термином «апсайклинг»), — с целью продления периода их использования путем сообщения им иных практических и символических функций, — можно, по-видимости, полагать основным способом получения новой одежды и новых аксессуаров в обиходе доиндустриального человека, — но, кажется, было бы неверно думать, будто индустриализация положила конец массовым практикам апсайклинга. Речь не идет об апсайклинге как о современном хобби (в основе которого чаще всего — хотя и не всегда — лежат сложно связанные между собой творческий импульс и этические установки), но о возвращении апсайклинга в широкий обиход каждый раз, когда индустриальная система обеспечения населения (за исключением малочисленных элит — которые, впрочем, зачастую не избегали общей участи) продуктами легкой промышленности и, в частности, предметами гардероба, переставала справляться со своими задачами. В России и СССР процесс массового апсайклинга (как и процесс массового создания одежды с нуля (Вайнштейн 2007)) по большому счету никогда не прекращался (Тихомирова 2015) — он лишь становился более или менее масштабным и требовал большей или меньшей «глубины техник» (то есть сложности переработки исходной вещи — об этом речь пойдет далее, в разделе 7) в зависимости от доступности и качества исходных материалов. «Глубокий» массовый апсайклинг (перелицовка, изменение гендерной принадлежности вещи, требующий значительных технических умений бриколаж, существенное изменение размеров, создание одежды из технических материалов) эпохи постреволюционной разрухи, послевоенного периода, жесточайшего дефицита постперестроечного периода и ранних 1990-х годов мог сменяться «мягким» апсайклингом (редекорирование, посадка по фигуре, несложное придание модного силуэта) периода относительного благополучия эпох оттепели или застоя, — но и в эти эпохи существовали те, для кого нормальной практикой была полная и сложная переделка старой вещи в новую. Масштабы присутствия «апсайкловых» вещей в гардеробе конкретного человека в каждый

исторический период определялись его персональными обстоятельствами — такими, среди прочего, как обеспеченность, близость к советским источникам «сырья» для новой одежды и к источникам знаний о моде (западные или дефицитные советские журналы, доступ на закрытые просмотры, возможность смотреть зарубежное кино), наличие портновских и рукодельных навыков у него самого или его близких, творческий потенциал — и так далее. Официальные советские нарративы, поддерживая апсайклинг якобы как часть единой системы продвижения идеи советского *homo faber* (Орлова 2004), умельца и создателя нового социалистического общества (Тихомирова 2015), на самом деле не могли не поощрять его из чисто прагматических соображений, так как вслед за промышленностью, не справлявшейся с обеспечением граждан необходимыми предметами гардероба, не могли обеспечить такие дискурсы «советской моды», которые удовлетворяли бы символические и эстетические запросы населения (Бартлетт 2011). Ольга Вайнштейн замечает, что «искусство чинить и переделывать вещи оставалось приметой советской культуры, сохранявшееся как национальная традиция даже в условиях эмиграции» (Вайнштейн 2007); однако именно в «смещенных девяностых» эта ситуация в силу ряда обстоятельств создала некоторый «парадокс сверхсоветскости» во многих бытовых практиках этого периода вообще — и во всем, что касалось приобретения новых предметов одежды (в том числе — методами апсайклинга) в частности: все, что умел изобретательный «человек советский», — доставать и обмениваться, ремонтировать вещи и переделывать их, организовывать стихийные рынки и торговаться (или торговать) на рынках реальных, устраивать вещевые лотереи на рабочих местах, превращать неносибельное в носибельное и так далее, для многих вдруг оказалось востребовано в эти годы крайней нужды и крайнего дефицита больше, чем когда-либо (об этом подробно пойдет речь в разделе 4); речь фактически идет о тотальной мобилизации советских навыков вестиментарного бытования. Одна из моих респонденток отметила: «Вся моя советская жизнь меня как будто к этому готовила, и я даже испытывала азарт, когда какое-то мое старое умение пригодились, как если бы я всегда была солдат в запасе, а тут война, наконец: ну, слава богу, вот теперь я покажу, на что способна, — и в бой, делать из десяти прихваток курточку для сына». По истечении советского времени советскому человеку понадобились все его специфически советские умения, чтобы одеваться в новом, несоветском мире (Горалик 2007).

2 Жутко и восторг: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ В ВОСПОМИНАНИЯХ ОБ АПСАЙКЛИНГЕ

Возможно, именно это сильнейшее диалектическое напряжение между «несоветским» духом нового времени и ультрасоветским характером вестиментарных практик придает воспоминаниям об апсайклинге в интересующий нас период двойственную эмоциональную окраску. С одной стороны, рассказы об апсайклинге нередко сопровождаются репликами, аналогичными следующим: «Жуткие времена, которые не хочется вспоминать»; «ощущение неудобной, неудачно сидящей одежды и белья — самое ненавистное воспоминание 90-х»; «до сих пор, если продавец в примерочной говорит: „Можно немножко подшить“, я немедленно переодеваюсь в свое и ухожу, — наподшивалась». Очень важным представляется следующее свидетельство: «Старшая сестра примерно в эти же годы увидела, как кто-то выбросил хороший еще плащ на синтепоне. Дождалась ночи, притащила его домой, отстирала в машинке и сшила ребенку теплый непромокаемый комбинезон. Говорит, что стыдно было очень, и вообще вспоминает с ужасом», — тема стыда возникает в этих воспоминаниях не раз, и нам еще придется к ней возвращаться. Однако такие высказывания соседствуют как с прямыми ностальгическими нотами («...а еще мы перешивали джинсы в юбки, и у меня ностальгически застонало в груди от этих моделей этого года, которые сшиты так, словно они перешиты из джинсов»; «...В этом был эпатаж. В этом была свобода. В этом была радость. В этом была доля клоунады. В этом был дух времени», так и с очень показательными высказываниями двойственного характера: «Эх, было время! Вспоминать не хочется, но и весело было тоже»; «Вот время было, а? Как будто с высокой горы летишь: жутко и восторг»). Далее, в разделе 4, будет показано, как эта двойственность относительно вестиментарных практик вообще и апсайклинга в частности проявляет себя еще ярче: речь пойдет о причинах для переделки вещей как таковой и о том, насколько респондентами двигала практическая необходимость, а насколько — стремление к воплощению творческого порыва (и, безусловно, видится важным заметить, что уже в работе над эссе «Антресоли памяти» я сталкивалась с показавшимися мне убедительными свидетельствами того, что на вестиментарные воспоминания проецируются крайне амбивалентные отношения респондентов со всем этим сложным историческим периодом в целом). Однако уже сейчас можно рассмотреть другой пример эмоциональной

неоднозначности в привязке к апсайклингу: двойственность того, как воспринимались те самые навыки советского *homo faber*, которые были необходимы для сохранения и создания предметов гардероба и которыми, в силу исторических особенностей, на позднесоветской и постсоветской территории обладали, в первую очередь, женщины (Тихомирова 2015) (впрочем, в разделе 5 речь пойдет о неоднозначной гендерной специфике апсайклинговых практик). Так, одни респондентки испытывали, по их воспоминаниям, благодарность к советским урокам труда, которые доселе считали ненавистными и бесполезными («Учительница труда рассказывала, как перелицевать пальто. Я удивилась: кому оно надо? И, главное, зачем. Она объяснила, дескать, снаружи затерлось, а с другой стороны — как новенькое. Но мы остались в недоумении. А потом году в 1995 мне пришлось перелицевать пальто матери, чтобы сшить брату куртку. Мне было 20, брату 12»), или к хобби советского времени, прежде не воспринимавшимися, как практическое подспорье («Взяла и переделала эту муфту в пафосную меховую сумку, сплела ручки и украшения макраме из шнуров (кто б знал, зачем и когда может пригодиться на редкость бесполезное умение плести макраме)), в то время как другие едва ли не винили советскую систему «сделай сам» в случившемся кризисе: «А привыкли, что человек должен сам все уметь, и всем было наплевать, как мы будем жить. Нужно пальто? Сошьешь, хоть из покрывал, а сошьешь. Страна умельцев, и ни о ком заботиться не надо». Сильная эмоциональная окраска этого высказывания представляется неслучайной: вся тема, как мы еще не раз увидим, часто вызывает у респондентов сильный отклик, поскольку находится на стыке нескольких триггерных нарративов: персональной вестиментарной истории, личной истории «смещенных девяностых» (непростого и полного значительных событий времени в жизни почти каждого российского человека старше определенного возраста), творческих способностей, зачастую — семейных и межперсональных отношений. Еще одним свидетельством эмоциональной насыщенности темы может, пожалуй, служить та точность, с которой респонденты вспоминают мельчайшие подробности создаваемых тогда апсайкловых объектов: «Одна теперь известная художница, Жанна Кадырова, поразила на втором курсе института: пришла в пальто, а на пуговицы наклеила маленькие рисунки, графику, и залила прозрачным лаком, — вот стильная красотища»; «Все ткани до сих пор помню на ощупь»; «Часть швов была бледно-зеленая, а часть — бледно-голубая, каких ниток хватило».

3 Сразу резать: апсайклинг как бытовая норма

«Как-то я не помню никаких особых эмоций, все так жили, что-то перешивали и переделывали», — сообщает одна из респонденток, и этот лейтмотив — апсайклинга как абсолютной нормы вестиментарного бытования в интересующий нас период — встречается у респондентов регулярно: «в этом был дух времени»; «получил в руки вещь — готовишься сразу резать»; «Наше поколение только так и одевалось. Иметь руки из плеч — это было нормально. Выделялись скорее те, кто не умел рукоделить». Это подчеркивает ситуацию напряженной мобилизации советских навыков — в значительном числе случаев и в предыдущие годы советская продукция воспринималась скорее как заготовка (исторические параллели с полуготовым платьем тут очевидны), как своего рода полуфабрикат (Герасимова, Чуйкина 2004), чем как вещь, которую можно немедленно начать носить (Голубев говорит о домашних DIY-практиках как о части советского символического порядка (Golubev & Smolyak 2013)), — однако в значительном количестве случаев советская вещь все-таки соответствовала условному советскому представлению о вестиментарной норме и вестиментарном языке. С точки зрения большинства потребителей, ей требовался неглубокий апсайклинг: посадка по фигуре, подгонка, небольшое декорирование. С наступлением же постперестроечного периода и 1990-х годов вещи, которые можно было добыть в советских магазинах (или «советские» вещи, лежащие в шкафах), оказались полностью за пределами как новых модных вызовов, так и нового костюмного языка, и апсайклинг, требовавшийся им, иногда был исключительно глубоким, вплоть до радикального: речь могла идти не только о перелицовке или бриколаже из нескольких вещей, но и о превращении зонтика в детскую куртку или обложек для паспортов в кожаную куртку. В силу сложившейся ситуации (как снабженческой, так и индивидуально-финансовой) даже у тех жителей страны, которых вполне устраивала бы продукция, доступная в советских магазинах, больше не было возможности ее приобретать, — а вещи от кооперативов, спекулянтов или с вещевых рынков для многих оказывались недоступными, и это заставляло включиться в систему апсайклинга (или углубить апсайклинг по сравнению со своими прежними практиками) даже тех, кто раньше не был причастен к этой теме: «В жизни раньше не бралась за иголку, а тут просто выбора не было — ну, и постепенно разухарилась я». Даже технически годная одежда, уже имеющаяся в гардеробе, оказывалась для многих невыносимой в силу своей

застарелой «советскости» и подлежала апсайклингу: «Что-то носить еще было можно, но уже нельзя, если вы понимаете»; «В одно время, пожалуй, у меня не было ни одного предмета гардероба хоть как-то не переработанного или не улучшенного мной самой»; «Сложно было в гардеробе найти что-то в изначальном виде, все было изначально чем-то другим».

Наконец, еще одной важнейшей причиной для возникновения «общества апсайклинга» в постперестроечно-постсоветское время стала открытость самого общества к принципиально новым визуальным кодам, к перестройке вестиментарного восприятия, к появлению в поле зрения уникатов, не соответствующих единой общепринятой норме. Явно созданный своими руками, зачастую технически несовершенный, иногда экстравагантный результат апсайклинга больше не казался вызовом общественному вкусу, — он сам по себе эффективно встраивался в общую картину построения нового индивидуалистического общества, в котором мода больше не диктуется сверху, но в явном (а не в завуалированном, как это зачастую происходило в советское время) виде создается индивидуумами в силу их возможностей, творческих амбиций и персонального понимания главенствующих тенденций. Это объясняет, по всей видимости, почему в воспоминаниях об апсайклинге этого периода так часто заходит речь о вещах, технически неудачных и «непрофессиональных», но зато «модных», «производящих фурор» и в силу этого носившихся с гордостью и удовольствием: в этот период вестиментарная норма не требовала от вещей аккуратности и технического совершенства с прежней жесткостью — индивидуальность, модность и эпатажность могли цениться гораздо выше, потому что лучше отвечали тому самому «духу времени»: «За один вечер с помощью неотрегулированной и несмазанной ножной швейной машинки две штанины этих странных леггинсов были сострочены в один „чулок“. Присобачила к нему какую-то петлю через шею и назначила всю конструкцию выходным платьем. На свадьбе мы произвели фурор»; «Сейчас нитка торчит — фу, говно вещь, а там не то что нитки — там швы не сходились, но я была круче всех и это знала». Екатерина Деготь замечала, что «советский предмет <...> базируется на презумпции того, что нравится, того, что он среди своих, что человек человеку не волк. Как вся советская эстетика, этика и общественное (да и политическое) устройство, такой предмет валиден только при условии заранее созданной общности между людьми, только в обстановке консенсуса, иначе его чары мгновенно разрушаются» (Деготь 2000). Это замечание еще раз доказывает

сверхсоветскую природу некоторых аспектов постсоветского апсайклинга: созданные в его рамках вещи были приемлемы, потому что были общеприняты.

4 Вдохновение на кошачьем меху: апсайклинг как экономическая необходимость и творческая потребность

В небольшой дискуссии, развернувшейся под моим вопросом о постсоветском апсайклинге в Facebook, одна из пользовательниц платформы недоуменно поинтересовалась: «Почему в 90-е? Я и сейчас так делаю иногда», и ей ответили: «Тогда это было довольно массово, и не из любви к искусству, а от необходимости в чем-то все-таки ходить». Однако глубокий анализ советских DIY-практик (разумеется, не только связанных с одеждой) раз за разом эффективно демонстрирует (Орлова 2004; Гурова 2004; Golubev & Smolyak 2013), что объяснять стремление потребителей, вовлеченных в практики апсайклинга, исключительно бытовой необходимостью и скудостью советского потребительского обеспечения было бы в корне неверно: этот фактор, безусловно, присутствовал, и присутствовал в очень значительной мере, но зачастую творческое начало, желание создавать, моделировать, преобразовать вещи, быть вовлеченным в созидательный процесс и наслаждаться плодами его трудов (что тоже, безусловно, может рассматриваться как прагматические результаты — однако в другом понимании) оказывались исключительно сильными мотиваторами, заставлявшими апсайклеров преобразовывать гораздо больше вещей, чем требовала суровая необходимость, а сам апсайклинг делать куда более глубоким, чем нужно было бы ради решения исключительно прагматических проблем. «В этом был эпатаж. В этом была свобода. В этом была радость. В этом была доля клоунады», — признается одна респондентка. «У меня все это вызывало восторг и вдохновение, казалось, что с каждой новой вещью и настроение, и сама жизнь вокруг меняется», — сообщает другая. «Мы перешивали постоянно. Так понимаю, не только из бедности», — осторожно добавляет еще одна участница опроса, обнажая сложную диалектику «бедности» в этой ситуации: под «бедностью» может пониматься невозможность купить младенцу теплый конверт, а может — невозможность достаточно модно и разнообразно одеваться каждый день для выходов на работу: «Носила две пары брюк, пока не сшила себе еще две из старых отцовских, и чувствовала себя нищей». Мотив «не только

бедности», а целого комплекта причин, ведущих респондентов к масштабному и регулярному апсайклингу в указанный период, — очень распространен: создается впечатление, что недостаток средств и товаров в целом ряде случаев служил еще одной легитимацией включения в гардероб и постоянного ношения творчески переработанных вещей, даже если эти вещи не были «профессиональными» в плане качества: «Двигало мной, помимо жесткой нехватки средств в семье — и тогда, и позже, в институте — желание одеваться не как все, отличаться от других»; «Чувства помню — азарт и удовлетворение от результата»; «А любила я это дело. Все получалось — особенное, интересное, местами красивое. Плюс сознание, что ничего не пропадало»; «Мне нравились все эти „эксперименты“, и умение из чего-то старого или негодного смастерить новое, и возможность не ходить в штопаном, чиненом, или явно с чужого плеча, приносило радость».

Многие респонденты и респондентки говорят о чувстве сродни творческому азарту, которое постепенно овладевало ими по мере прихода понимания, что их навыков и способностей хватает для довольно смелых экспериментов, а общество, как говорилось выше, готово принимать их вестиментарный выбор: «У меня были прямо фантазии о переделках, я жадно искала, во что бы еще вцепиться, словно высвободилась какая-то возможность»; «Идей было больше, чем вещей, у меня руки чесались еще что-то переделать, я почти ничего два раза не носила»; «идеями, помню, тогда просто фонтанировали»; «До появления секондов шили что-то невообразимо смелое и прекрасное». Здесь оказывается значимой фраза еще одной респондентки: «Радость, юность, все только начинается», — не исключено (эта версия требует проверки), что количественный анализ на гораздо более масштабной выборке (захватывающей не только апсайклинг, но и другие практики само моделирования в указанный период) показал бы, что эта смелая готовность «фонтанировать идеями» и воплощать их в жизнь была свойственна в первую очередь младшему поколению — и не только потому, что оно в целом зачастую оказывается менее консервативным в вестиментарном плане, но и потому, что постперестроечный период чаще вспоминается именно теми, кто находился тогда в относительно молодом возрасте, как время невероятных свобод и возможностей (в том числе — в области самоизобретения и саморепрезентации), тогда как старшее поколение чаще говорит о финансовых и бытовых трудностях, в том числе — связанных с необходимостью «одевать» себя, младших членов семьи и неспособных позаботиться о себе или дезориентированных новой культурно-экономической ситуацией родителей (что, конечно,

не мешает упоминать и свободу, и большие ожидания — как свобода и большие ожидания не мешают младшим упоминать тяготы постперестроечной жизни: «Мне 17, маме 43. Совершенное счастье от процесса творения!»). Впрочем, память об апсайклинге как о вынужденной практике зачастую обнаруживается как раз у более юных участников опроса, вынужденных носить результаты апсайклинговых усилий старших членов семьи, или просто у представителей младшего поколения, которые предпочли бы роскоши творческого апсайкла возможность носить «настоящие» (то есть созданные промышленным образом, желательно — вне СССР, или, на худой конец, сшитые профессионалами — см. раздел 10) вещи: «Из самого ужасного, что помню — штопка колготок. У меня тонкие светлые волосы и мама меня научила ими штопать колготки абсолютно незаметно»; «Швея париться не стала и просто обрезала низ шубы, и из большого куса сделала громадную муфту и пришила ее к шубе впереди. Из стандартного вида изделия длиной до колен, получилась квадратное нечто длиной примерно до попы с гигантским карманом-кенгуру-муфтой впереди. Ну а так как денег на другую одежду не было, я всю зиму ходила в этом кошмаре. До сих пор помню, что из-за этого ужаса и стыда ходить в нем, не оставалась гулять после школы с ребятами и потеряла часть друзей :(»; «В семь лет я выросла из детской осенней куртки, и мама тогда удлинила мне рукава и подол вставками из старого зонта. Зонт был детский, с узнаваемым рисунком, такие зонты были примерно у всех детей, и я очень стеснялась ходить в зонте, хотя даже в свои семь лет понимала, что решение было суперкреативное, и бело-зеленый зонт по цвету идеально к куртке подходил, и вставки были необычной геометрической формы, — мама очень постаралась»; «В целом от перешивания ощущения были скорее неприятные, потому что все это было не по моему выбору и желанию, а мама с бабушкой решали», — и, наконец, одно из самых радикальных свидетельств о разности ситуаций, в которых оказывались представители двух поколений, когда старшим необходимо было обеспечить младших хоть какой-то одеждой на период холодов, а младшие оказывались в невыносимой для себя ситуации: «У моей прабабушки сохранилась вещь из двадцатых, наверное, годов. Шляпка-клош из меха, извините, домашней кошки. Такой, серо-полосатой, узнаваемой. И вот год, наверное, 91-й, зима, у меня нет вообще никакого головного убора. Мама находит эту шляпу. У меня истерика, говорю, что в этом не пойду никуда. Мама говорит, что все решит, ночь не спит... Утром у меня модной формы капор. Из той же кошки. И мама уверена, что проблема решена, я теперь

с удовольствием буду ходить в школу в этом. Похоронила. Сказала, что потеряла».

Зачастую комфортность или дискомфорт от ношения результатов апсайклинга в огромной мере диктовались средой общения респондента или респондентки. Так, бывшая студентка МАрХИ рассказывает, что «покупали только обувь/сумки/перчатки. Все остальное шили/вязали. По привозной Бурде. Девочки в МАрХИ рукастые, так что никаких проблем. Еще и туфли расписывали и бижутерию пекли в духовке», — что, судя по всему, свидетельствует о принятии, если не поощрении, апсайклинга как проявления творческого начала в этой среде. Однако, если анализировать слова других респонденток, создается впечатление, что их окружение было куда менее милосердным к вестиментарным плодам кустарного труда: «Когда я подозревала, что все-таки понятно, что [я ношу это] не от хорошей жизни, то вечный фоновый страх разоблачения»; «Самым грандиозным проектом, еще до замужества, было перелицованное мамино пальто. Я еще и видоизменила фасон. Долго не носила — кузина сказала „ты в нем как нищая“, ну я и подумала: чо это я, пойду куплю страшную китайскую куртку на синтепоне, как все»; «Происхождение вещей не афишировалось, перешивать — в нашем кругу считалось признаком бедности». Иногда для того, чтобы преодолеть отношение окружающих к апсайклингу и перестать испытывать острый дискомфорт от ношения «ненастоящих» вещей, требовалось внутренне измениться: «Когда стала постарше, то появилась бравада и сознательное игнорирование социальных ожиданий насчет одежды. Но все это, конечно, сильно завязано на унижении от невозможности выбора. Даже если были деньги, отнести их можно было только на омерзительнейший китайский рынок, что воспринималось как дно позора. Борьба за красоту и собственный стиль с попеременным успехом». Но зачастую даже попытки работы над собой не помогали преодолеть неловкость за собственную бедность: «Элитная школа и я, самая умная, но в крепдешиновом платье в цветочек, перешитом из безразмерного мамино, и в бабушкиных сапогах. Прочла брошюру про аутотренинг и приучала себя не чувствовать их взгляды. Никогда не испытывала такого презрения к себе. Никого так, как их, не ненавидела».

Иногда апсайклинг давал чувство, что респондент, даже не спасая себя и членов семьи от крайней нужды путем, например, создания теплых зимних вещей («пальто дочке из папиной шинели с чердака — а то бы мы эту зиму не пережили»), в целом участвует в общем усилии по борьбе с нуждой, создавая себе новые предметы гардероба вместо того, чтобы расходовать семейные ресурсы на покупку:

«Гордилась тем, что все переделывала из старого или шила, не купила, кажется, за семейные деньги ни одной вещи». Не будучи «настоящими» вещами, получившиеся в результате апсайклинга уникалы могли, в конце концов, брать на себя аналогичную роль «настоящих» вещей роль товара — и, таким образом, помогать бороться с нуждой, не становясь частью гардероба своих создателей или их непосредственных близких: «Самый крутой перешив — это когда мать с подругой в начале 90-х в уцененке скупили всю партию обложек для паспортов и партбилетов из натуральной кожи, отмочили в специальном растворе, чтобы размягчить, и нашили из них сумок и даже куртку. Но тиснение „КПСС“ и „СССР“ все равно кое-где проступало. Но это было даже хорошо. Распродали все на Арбате за день»; «Огромный свитер оранжевого цвета из Германии, выданный в школе в качестве гуманитарки... я распустила, связала из него 10 пар носков и мама смогла на рынке обменять их на продукты. На этом свитере мы прожили месяца два»; «Моя мама покупала в переходе на Пушкинской (Москва) лоскут — трикотажные обрезки с какого-то швейного производства — и шила из них юбки, платья, спортивные костюмы — и мне, и на продажу». Даже сами навыки апсайклинга могли эффективно монетизироваться или служить основой для бартера: «Знакомые интересовались, где достали? Ну а потом начали тащить нам [с мужем] свои отслужившие джинсы, плащи, а мы шили из них куртки для их детей. В награду получали привезенные из сел картошку, разные овощи, яйца, сало».

5 Прекрасный тандем: гендерная специфика постперестроечного апсайклинга

Упомянутый в предыдущем примере тандем мужа и жены, шивших детские куртки, показателен. Большинство описываемых случаев апсайклинга приходится на долю женщин (Тихомирова 2015), и большинство респонденток, спонтанно поучаствовавших в моем онлайн-опросе, тоже оказались женщинами, — но видится неверным считать, что апсайклинг в «смещенные девяностые» оказался сугубо женским делом лишь потому, что надомное шитье и рукоделие, связанное с текстилем, было традиционно женской практикой (Тихомирова 2015; Веселова 2005). Представляется более верным предположение, что для выживания в новых социально-экономических условиях были необходимы «сверхсоветские» DIY-умения всех членов семьи (не только применительно к вестиментарным практикам). В эпоху тотального

апсайклинга умение перешивать и переделывать одежду опять становится «как материальным, так и символическим женским капиталом и метафорой женской успешности» — как это было в доиндустриальной крестьянской России (Тихомирова 2015) и, безусловно, в куда более значимой мере, чем в период 1960-х — ранних 1980-х годов. Однако теперь и мужчины зачастую принимают активное участие в апсайклинге вещей (как раньше могли принимать участие в их «доставании» или приобретении за границей), если имеют соответствующие навыки (здесь нельзя не отметить, что такая ситуация, безусловно, не была распространенной и что, судя по всему, забота о гардеробе всех членов семьи ложилась в первую очередь на женщин). Во-первых, среди моих спонтанных респондентов около 7% были мужчинами (большинство из них делали неглубокий апсайклинг, вроде окрашивания футболок и обрезания джинсов, но некоторые пускались на переделки значительной сложности), а во-вторых, в свидетельствах многих женщин упоминаются мужчины-апсайклеры, помогавшие женщине справиться с задачей наполнения гардероба: «В середине 90-х у меня был прекрасный тандем с моим тогдашним молодым человеком. Он умел шить, а я умела вязать. И вот он мало того что шил новые вещи, стильные по самое немогу, но и переделывал из старых. Помню, сшил мне шикарные шерстяные шорты персикового цвета из старой маминой юбки. У меня они жили очень долго, пока не закончилась мода носить зимой шорты на колготки. Я, в свою очередь, покупала по дешевке в секонде страшные свитера ради ниток, распускала их и вязала новые»; «Муж моей тети отлично шил, самоучка. Из рабочих рукавиц сварщика, из грубой замши разных нелепых цветов, сшил куртку»; «из Алжира везли шерсть уже в виде готовых изделий, поэтому они [врачи] вязали с дикой скоростью везде и всегда, кроме операционной, даже мужчины, — в частности ее папа-уролог вязал пледы»; «В 1990 мне был 1 год. А за пару лет до этого мой папа привез себе из Афганистана настоящие крутые джинсы. И вот в 1990 году папа взял швейную машинку и перешил свои роскошные джинсы на меня. Перенес все карманы и заклепки, лейбочки и пуговицы. Я была самым роскошным годовалым ребенком в Челябинске и, возможно, во всей России начала 90-х». Однако по прошествии тяжелых лет, уже в конце 1990-х годов, судя по свидетельствам респондентов и респонденток, эти же мужчины начали отказываться от практик апсайклинга и шитья (как, впрочем, и многие женщины); с некоторой вероятностью, временная необходимость в навыках и временный же творческий порыв не смогли полностью изменить гендерные установки, и апсайклинг предметов гардероба продолжил быть преимущественно женской сферой.

6 На три клубка: долгая культурная биография вещей

Способность советской вещи иметь исключительно долгую культурную биографию (Тихомирова 2015; Орлова 2004) — то есть ее способность переходить от обладателя к обладателю, перешиваться, перекрашиваться в другой элемент гардероба, затем становиться рипком (Веселова 2005) или тряпкой (Гурова 2004) и даже в этом качестве служить до последнего — в интересующий нас период приобретает совершенно особые масштабы — и это оказывается еще одним примером «сверхсоветскости» постсоветского вестиментарного порядка: «А еще одни джинсы мы с одноклассницей в хлорке варили, потому что хотелось белые, но имелись в наличии только грязно-синие». — «Моя подруга отдала мне такие вываренные белые джинсы, когда перестала в них помещаться, но на них было уже полно пятен, и я их сварила в коричневой краске, получились восхитительно-рыжего цвета. А потом я перестала в них помещаться и отдала другой подруге, она сварила их в радикально-черном цвете». Вещь могла не только переходить от человека к человеку, преобразаясь у каждого нового хозяина, но и постоянно меняться в рамках одного и того же гардероба: «Помню, купила „чортовой кожи“, — такая толстенная х/б ткань для рабочей одежды. Сначала я ее вываривала с отбеливателем — стала мягкая и красиво-серая. Потом сшила штаны, походила — перекрасила в красный. Потом еще походила — перекрасила в черный». Иногда достаточно было совсем поверхностного апсайклинга, чтобы биография вещи могла продолжаться: «Сначала было модно клеши, потом бриджи: все поотрезали свои клеши, конечно; потом стало модно шорты, мы и бриджи обрезаем», но очень часто переделки были довольно серьезными — и совершенно не обязательно вещь превращалась в номинально другую, — они могли подвергаться ремонту, перелицовке, реставрации: халат оставался халатом, но жил долгую жизнь: «Вообще из советского времени перешивалось все и по нескольку раз, потому что ткани не выцветали и не вытирались, только нитки сыпались. Помню мамин халат из китайского шелка, который перепрошивали раза три за 15 лет, ткань была как новая». В этом свидетельстве представляется важным образовавшийся логический феномен: комплимент делается «вещам из советского времени», но «китайскому шелку» — то есть речь тут не идет о вещи советского производства, а только о том, что биография, начавшаяся в советские годы, имела все шансы длиться едва ли не вечно. Если же у самой вещи и были недостатки, апсайклингу подлежали материалы,

из которых она была сделана: «Купила белый пух в Нальчике, сплела его с тонкой ниткой, связала костюм себе, пух предсказуемо вытерся в отдельных местах, распустила, связала комбинированное платье. Потом из платья сделала пушистый свитер себе» (примечательно, что эта практика очень близка по своей сути к практике создания вещей из рипок (Веселова 2005) — за тем исключением, что «рипком» оказывается не разъятая ткань, а исходная пряжа, и созданная из нее вещь не особо меняет свое символическое и практическое значение, становясь ковриком или ритуальным объектом: она возвращается в гардероб для дальнейшей носки). Этот прием — распускание старой вещи и вязание из тех же ниток нового предмета гардероба (уже упоминавшийся в данной статье, хотя в предыдущих примерах у вещей были другие хозяйки прежде, чем те попали к респонденткам) — очень часто использовался на советском и постсоветском пространстве, поскольку качественная пряжа сама по себе была дефицитом и, как и ткань, подвергалась апсайклингу (окрашиванию, размягчению, разделению на волокна, пушению или сглаживанию): «Покупала никому не нужную толстенную синюю пряжу, из которой все стояло колом, и разматывала ее на три клубка вдоль, как бабушка учила; получался огромный объем тонких качественных ниток»; «у меня было два самовязанных свитера, которые я периодически распускала, миксовала между собой и перевязывала. А коллеги на работе говорили: „Блин! У нее опять новая кофточка!“»

Именно желание разнообразно одеваться (и производить впечатление разнообразно одевающегося человека) могло привести к процессу, благодаря которому культурную биографию предмета гардероба в целом следует, возможно, измерять не во временных единицах, а в циклах апсайклинга/ресайклинга: вещи видоизменялись не тогда, когда переставали устраивать обладателей по прагматическому (например, «носкость») или символическому (например, «модность») параметру, но когда возникали проблемы с параметром «новизна»: так, респондентка, рассказывавшая о перекрашивании штанов, добавляла: «А работала я тогда по распределению в НИИ, и начальник был такой... с выводами. Все это я проделала за месяц, и на третьей переделке он не выдержал — „Ты, как я посмотрю, зажиточная девушка — штаны как перчатки меняешь!“ Вот времена были, сейчас никто даже не поймет 😊». Еще одна респондентка делится похожей историей: «На моей первой „взрослой“ работе мне сказали: „Кажется, денег-то куры не клюют, наряды у тебя не повторяются, девушка!“ Это было весело :) Потому что „наряды“ не стоили почти ничего, а некоторые выглядели и правда нормально». Третья респондентка

свидетельствует о том, как переделанная вещь и поменяла хозяина, и прошла процесс бриколажа на этапе выбора исходного материала, и потом неоднократно переживала апсайклинг ради эффекта новизны: «Мама распустила свое прекрасное голубое платье, постирала пряжу, добавила клубок ангорки и связала мне джемпер. Каждый сентябрь в старших классах, когда форма была уже необязательна, я появлялась в новом свитере, потому что мама за лето распускала и перевязывала старый с добавлением какой-то новой детали или нитки». Возможность одеваться разнообразно путем апсайклинга одних и тех же вещей или одних и тех же материалов ценилась очень высоко: позднесоветское общество с его одержимым интересом к материальному было, по сути своей, глубоко буржуазным (Бартлетт 2011), а постсоветское, захваченное новым вещным миром, проникающим на бывшее советское пространство, и его соблазнами, — гипербуржуазным (в этом плане) и (по этому показателю) — вновь — «сверхсоветским»; в буржуазном же обществе мало что оказывается таким маркером бедности и неуспешности, как необходимость постоянно носить одни и те же вещи.

7 Сотня малюсеньких кусочков: глубокий и поверхностный апсайклинг

Апсайклинг не обязательно должен был быть настолько глубоким, как в примере с перевязыванием свитера из прежней пряжи, чтобы производить желаемое впечатление новизны, — иногда очень простые приемы давали желаемый эффект: «Стирала черный шерстяной свитер — он садился и становился плотный в обтяжку, стирала опять и изо всех сил растягивала булавками на диване — получался оверсайз, и все были уверены, что у меня два свитера». Собственно, в высшей степени интересно, насколько глубина апсайклинга (то есть, во-первых, степень вмешательства в исходную структуру вещи или вещей, легших в основу нового предмета гардероба, а во-вторых, уровень навыков, необходимых для его создания) зачастую недооценивается участниками процесса, — очень часто о процессе апсайклинга говорят, используя слова «просто», «всего лишь», «только», когда речь идет об очень значительных переделках: «Пальто было отрезное по линии талии и офигенно сшито. Переделать его было как раз очень просто — я просто очень аккуратно распорала этот шов на талии, и у меня образовался короткий модный жакет и юбка с запахом. Ну понятно, что пришлось немного подправить линию плеча — на более мягкую, чуть заузить рукава, подкладку посадить соответствующим

образом»; «Лет в 13 перешла из длинной юбки годе мини, изнанка помню была страшная, а с виду очень даже. Сейчас шью себе одежду и иногда переделываю из пальто другое пальто, воротники меняю, и т.д., — ничего, в общем, примечательного»; «...обычное, типа перелицевать пальто и сшить из него драповую юбку». Существует даже тема переделок, которые словно бы не считаются переделками, — поверхностный апсайклинг (декорирование, раскрашивание, окраска, отрезание частей одежды) как будто едва заслуживает упоминания на фоне того, в каком масштабе (как говорилось выше) и каким глубоким апсайклингом занимались другие, зачастую близкие респонденту люди: «Я только варил джинсы и отпарывал лейблы типа XUIXUI с вещей, купленных на Черкизоне»; «ничего не делала — разве что красила во все цвета футболки и колготки и спарывала на папиных рубашках воротники». Одной из причин для того, чтобы «не считаться», может служить отсутствие в процессе апсайклинга особого творческого начала: если вещь получалась «обычная», лишенная экстравагантности или нетривиальности, ее обладательница или обладатель могли счесть даже глубокий апсайклинг незаслуживающим внимания: «Сделала на мамином сарафане оборку по подолу, вытачки, врезала карманы и пришила рукава — летучая мышь, вышло платье-макси, но это неважно, а вот мини из расстегнутых перевернутых папиных джинсов — это было круто, хотя там просто подвернуть немножко и втянуть резинку». Глубина апсайклинга в первом случае обесценивается, потому что вещь не дала создательнице ощущения изобретательского триумфа, зато поверхностный апсайклинг второй вещи признан «крутым» ровно из-за чувства творческого достижения; таким образом, в понятие глубины апсайклинга, видимо, нужно внести не только масштаб изменения исходных вещей и сложность потребовавшихся навыков, но и субъективное измерение дизайнерской мысли — и тогда платье из сарафана и юбка из папиных джинсов несколько уравниются по «глубине», пусть и с точки зрения разных параметров. Более значимым тогда окажется и неглубокий, но важный процесс апсайклинга, призванного скрыть потертости, дыры, трещины и другие повреждения предметов гардероба: он мог требовать несложного набора навыков и неглубокого вмешательства в структуру вещи, но большой изобретательности, — «Были туфли из 50-х на каблук-рюмочке с потрескавшейся кожей. Из обрезков платья сделала к ним банты, так и носила»; «Ветровку покрасили в розовый цвет, спереди сделали вышивку и аппликации на пятна»; «Из туфель вырезали мелкий кожаный горох и очень креативно наклеили везде, где были прожоги от сигаретного пепла».

Своего рода нуль-апсайклингом, апсайклингом самого поверхностного уровня и отправной точкой шкалы, можно, наверное, считать умение носить вещи с повреждениями так, чтобы эти повреждения были незаметны. Екатерина Герасимова и Софья Чуйкина отмечали, что в советский период процесс приспособления и взаимного привыкания друг к другу вещей и людей часто был длительным и болезненным, приводя в пример такой способ носить рубашку, чтобы не был виден брак рукава под мышкой (Герасимова, Чуйкина 2004). Здесь вновь проявляется сверхсоветскость вестиментарной ситуации «смещенных девяностых»: ее исключительная некомфортность, постоянная необходимость огромного числа людей носить чужие (Горалик 2007), некачественные и, наконец, кустарно переработанные вещи вела к тому, что большинство вещей требовало именно приспособления к себе: «В самом начале 90-х ходила в огромных дедушкиных рубашках и пиджаках и в кирзовых ботинках для малярш из „строительной одежды“, потом один ботинок скрипеть начал. Входила в аудиторию со словами: „Я — Баба-Яга, косяная нога“, но все равно ходила»; «Мне досталась роскошная шелковая рубашка в огурцах из гуманитарной помощи, но у нее сзади был порван и заштопан белым воротник, и расштопывать было нельзя — поползет, а надо было просто всегда так держать голову, чтобы хвост падал на правильное место и закрывал». Здесь навыками апсайклинга оказываются навыки поддерживать шуточный нарратив или правильно владеть телом — и апсайклинг этот, пусть и формально поверхностный, все-таки оказывается значительным.

В то время как некоторые респонденты создавали новые предметы гардероба, постоянно используя одну и ту же технику («Я вообще очень многое переделывала. В основном соединяла детали крючком»), другие видели в эпохе тотального апсайклинга период, когда можно было пустить в дело все свои рукодельные навыки: например, сшить платье, связать к нему рукава, вышить карманы, добавить сплетенный из макраме пояс, сделать бижутерию из оставшихся кусочков ткани. Как обмен информацией о навыках, так и предоставление самих навыков в помощь другому человеку нередко делали создание гардероба в условиях тотального апсайклинга коллективной практикой. Так, с одной стороны, знания о том, как красить колготки или увеличивать их с детского на взрослый размер («Черных капроновых колготок не было в продаже, кипятили колготки телесного цвета вместе с черным школьным фартуком»; «Колготки: купить детские и распустить петли так, чтобы они вытянулись в длину — научили однокурницы, но все равно носить это было можно только

от безысходности» — техника, о которой респондентки говорят постоянно: тема колготок, естественным образом, вообще обширна), передавались, как видно из примера выше, от подружки к подружке или в женских коллективах, как передавались знания о том, что можно создать «клеша», вставив клинья в обычные штаны, или о том, где купить мужское нижнее белье, которое можно перешить в женские брюки (об исходных материалах для апсайклинга речь подробно пойдет в разделе 8). С другой стороны, респонденты могли приходить друг другу на помощь, обмениваясь навыками: «Я подружке пришила к обрезанным джинсам волан, так, что получилась модная юбка, а она надвязала мне черный свитер до водолазки»; «У нас с сестрой были вещи, которые мы делали вдвоем: что-то умела она, что-то я, вместе справлялись». Здесь отчетливо пролегает тонкая грань между вынужденным апсайклингом и обращением за услугами к портнихе или к шьющей подружке: «Шила бы с нуля себе и другим — но нормальные ткани тоже брать негде было».

8 Парашют, наждак, жилет: исходные материалы для апсайклинга

«Кажется, в тот момент я на любую вещь смотрела с этой точки зрения: как бы ее перешить», — замечает одна из участниц опроса. «Дефектность вещи — это всего лишь иллюзия, которую беспощадно разоблачают знания и действия умелого хозяина», — писала в статье под названием «Апология странной вещи» исследовательница Галина Орлова, имея в виду способность советского человека «пересоздавать» предметы советского обихода благодаря своим DIY-навыкам и соответствующим знаниям (Орлова 2004). Эту же «иллюзию», требующую обязательного разоблачения, видимо, имел в виду коллекционер и специалист по костюму 1990-х годов Миша Бастер, утверждая, что в эпоху «смещенных девяностых» андерграундные дизайнеры рассматривали любые предметы с точки зрения того, можно ли их вообще как-нибудь надеть на человека⁴. Создается впечатление, что у вовлеченного апсайклера (как тогдашнего, так и современного) возникает совершенно особая оптика, схожая с пресловутой оптикой скульптора, прозревающего статую в куске мрамора: в самых разных исходных материалах, иногда, на взгляд не-апсайклера или человека, менее вовлеченного в процесс, совершенно не подходящих для создания предметов гардероба, прозревать возможную куртку, платье или хотя бы фенечку. Эта оптика становится едва ли не частью той апсайклинговой компульсии, о которой вскользь говорилось в разделе 4:

«Я на все смотрела жадными глазами: во что это переделать и как на себя навесить». Исходный предмет или материал становится здесь «не потому хорош, что может быть использован в ином качестве, а напротив — ему нужно найти новое применение, потому что он хорош» (Орлова 2004). В своей важной статье «Making Selves Through Things» Алексей Голубев и Ольга Смоляк замечают, что «в позднесоветской культуре любая вещь могла стать чем угодно другим и поэтому априори выполняла роль сырья, даже если была совершенно новой» (Golubev & Smolyak 2013). В сверхсоветском вестиментарном пространстве описываемого нами периода этот принцип действовал со впечатляющей силой.

Даже когда речь шла об апсайклинге самого базового портновского материала — ткани как таковой, — эта ткань изначально могла быть полностью непригодна для шитья: «Мой случай, наверное, днице. Я купила какую-то наждачку, но на бязевой основе. Выварила ту бязь в отбеливателе и сшила капец какую модную юбку с контрастной отстрочкой. В школе было дело, очень хотелось быть красивой и модной». При всей сложности экономической ситуации и приведенные выше, и следующие ниже свидетельства респондентам дают понять, что наждачная ткань вряд ли все-таки была *единственным* доступным респондентке материалом, — но оптика тотального апсайклинга, во-первых, позволила этой ткани попасть в ее поле зрения, а во-вторых — сделала ее допустимым материалом для создания одежды (при всей глубине потребовавшейся переделки); другой аналогичный пример: «Мой отец военный приволок рулон „ткани“, которой на полигонах оббивали макеты танков и другой техники, а потом красили. Так вот, этот рулон мы по частям вываривали в баке для белья от клейстера, или крахмала. После вываривания обнаружилась нежнейшая хлопковая ткань». Еще одна респондентка рассказывает: «В клубе, где я недолго работала, меняют шторы — такие черные, плотные, маскирующие свет. Мы снимаем эти шторы, и директор говорит: „Девочки, берите кому сколько надо, я их все равно спишу“. А шторы старые, пропыленные, местами выцветшие. Выбрала две шторы примерно одного цвета, из одной сшила пиджак, из второй — юбку с охренительно крутыми клиньями годе», — в этом примере видно, что та же оптика распространялась не только на самих апсайклеров, но и на тех, кто понимал саму возможность такой ситуации (наверняка практики апсайклинга бытовали и среди его близких). «Рубаха из ткани, которую в дружественной библиотеке выдавали полы мыть. В общем, из половой тряпки», — символическое назначение исходного материала не играло особой роли, оптика апсайклинга

переназначала и возвышала его до положенной высоты. Отдельной категорией условных тканей — вернее, полотнищ — оказывались флаги, — и воспоминаний о перешивке флагов в предметы гардероба оказывается много; советская символика, присутствующая на флагах, в тот момент была в моде⁵ и делала получившиеся уникалы еще более привлекательными и семантически нагруженными (отдельно следует заметить, что советские флаги в качестве исходных материалов очень ценились первыми постсоветскими дизайнерами, — от Елены Худяковой и Ирины Афонинной до Кати Мосиной и Кати Микульской: «Самые занимательные вещи — алая юбка-брюки по бурде из советского шелкового флага. Нежнейший чистый шелк. Серп и молот приходились на одну из половинок попы»; «Моя мать работала в администрации поселка и у них списали огромное количество флагов советских республик из крепдешина и шелка. Маман их забирает и идет к знакомой швее и заказывает себе красных блузок к своим костюмам»; «Около ЦДТ (Москва, Центральный дом туриста) стояли флагштоки, довольно высокие, а на них — яркие голубые, зеленые и еще какие-то полотнища. Почему они там были и что символизировали, не знаю. И она как-то залезла ночью и срезала два, голубой и зеленый. Сшила две длинных юбки». Можно представить себе, что в период тотальной нехватки тканей качественные яркие полотнища вызывали у апсайклеров совершенно блоковскую реакцию: «Сколько бы вышло портянок для ребят!»)

Когда новые предметы гардероба создавались из других предметов гардероба, одной из задач апсайклера могло быть сокрытие «культурного прошлого» вещи в стремлении выдать ее за «настоящую». При том что общество в значительной мере принимало апсайклинг (см. раздел 1), для этого могло быть несколько причин, среди которых — стыд за собственную социальную и финансовую неустроенность, вынуждающий тебя носить переделанные вещи, желание насладиться уважением из-за того, что вещь принимают за «профессиональную» (см. раздел 10), и «постыдная тайна», скрывающая это самое «культурное прошлое» исходного предмета одежды. Последнее опасение распространялось в первую очередь на предметы гардероба, сделанные из нижнего белья. У традиции подобных переделок в СССР долгая история — например, существует богатый пласт анекдотических свидетельств о блузках из трофейных комбинаций (и, конечно, просто о ношении этих комбинаций в качестве платьев⁶) и переделывании шелковых «панталонов» в женские кофточки в тот же самый период крайней нужды: «Моя тетушка рассказывала, что в 50-е годы зарплату иногда выдавали разными товарами,

и вот на ее предприятии как-то раз выдали дамскими шелковыми панталонами. Я уж даже не знаю, казалось им это смешно или нормально. Потом все сотрудницы понашили себе из них нарядные блузки, розовые. Кружавчиков еще там всяких попришивали... Самое интересное, что все знали, что они из трусов, причем из совершенно одинаковых. И при этом делали вид, что этого не замечают. Или правда они не замечали? Я, честно говоря, уже не понимаю» (Деготь б.д.) (обратим внимание на специфику сокрытия и раскрытия «культурного прошлого» вещи в последнем примере). Историческая тема с комбинациями продолжала развиваться в «смещенных девяностых» — сочетание женственности и яркости делало этот предмет привлекательным исходным материалом для апсайклеров, а качественная ткань и способность польских, немецких и югославских комбинаций храниться подолгу вели к их накапливанию в семейных гардеробах: «Я перекроила бабушкины комбинации натурального шелка, привезенные из послевоенной Германии, и сделала себе три топа с кружевами — цвета крем-брюле, черный и бледно-розовый»; «Одежды не было, тканей не было, в бельевом отделе ГУМа висели комбинации огромного размера из плотного трикотажа персикового цвета с блеском. Мама сшила из двух таких мне блузку. Как сшила помню, а как я ее носила — совершенно нет. Не любила я эту вещь». Возможно, комбинация наименее требовала «сокрытия прошлого», будучи сама предметом промежуточного характера, — но если речь шла о кальсонах, трусах, мужском (особенно мужском — для женского костюма!) нижнем белье («В московском „Военторге“ покупалось исподнее из хлопка и перешивалось в модные штаны-бананы»; «Из китайских мужских кальсон делается кофта летучая мышь: они переворачиваются, ширинка становится горловиной»), страх раскрытия исходников был очень силен, а секрет превращения не раскрывается даже ради возможности похвастаться достижениями: «В дело пошли привезенные папой несколько пар пунцовых мужских шелковых трусов-семеек. Юбка получилась бомба, но когда я думала, что кто-то угадает в ней мужские трусы, меня потом заливало»; «Случайно где-то в сельпо отхватываю мужское нижнее индийское белье с — о чудо! — отсутствующим гульфиком, из того самого нужного трикотажа! Крашу в розовый цвет красителем для ткани, на грудь приклеиваю термопереводку, она была большая и круглая, что-то написано на ней по кругу было русскими буквами. Разрезала все буквы, выбрала те, которые общие с латиницей, получился псевдоскандинавский язык с повторяющимися „а“ и „о“. Все подружки завидовали, я тайну никому не открыла». Возможно, дело было в желании выдать вещь

за «настоящую», а возможно, «тайна» была слишком приземленной, — но, так или иначе, культурную историю вещи часто предпочитали держать при себе.

В отличие от современных апсайклеров, обычно видящих в качестве исходников для работы нечто относительно приближенное изначально к желаемому результату, апсайклеры из «смещенных девяностых» в силу окружающих обстоятельств могли работать с крайне неподходящими для конечной задумки материалами даже в тех случаях, когда эти материалы были сами по себе предметами одежды. По сути, эти самые предметы рассматривались как неудобного формата единицы сырья, нечто, приведенное волей случая к неудачной форме, но способное получить обратно свои изначальные свойства:

«Мама сшила мне куртку из „ичигов“, — это такие сапоги из черной кожи, на мягкой подошве, часть национального казахского костюма, их часто носят пожилые люди»; «Мама моя сшила мне шубу из меховых кроличьих беретов с леопардовой окраской»; «Одна моя приятельница придумала гениальную вещь: она себе дубленку сшила, — или шубу, не знаю, изделие можно было носить на обе стороны. Купила мужские меховые варежки, — не помню уж, сколько штук, — распорала их, обрезала до ровных прямоугольников и сшила!»; «Я собрала со всех родственников и знакомых старые перчатки, у мамы взяла ситчик в цветочек на подкладку и сшила огромный рюкзакище. Шила я руками, машинки не было. Руки было исколоты в кровь, но я была совершенно счастлива. Я его еще и касторовым маслом смазала, он блестел, и мне казалось, что в этих разных заплатках карта»; «Муж моей тети отлично шил, самоучка. Из рабочих рукавиц сварщика, из грубой замши разных нелепых цветов, шил куртку. Рукавицы каждый год на заводе выдавали, а пользоваться ими никто и не пробовал, скопилось количество как раз на курточку». Не шляпа из беретов и не полусапожки из сапог, — но лишение исходной вещи какого бы то ни было исходного смысла и рассмотрение ее только как сырьевого объекта, полное ее остранение — как результат необходимости решать конкретные практические задачи или как результат той самой оптики, позволяющей вовлеченному апсайклеру «прозреть все во всем».

Эта самая оптика давала постсоветскому апсайклеру возможность видеть сырье для работы в вещах, изначально вообще не относящихся к области вестиментарного. Кроме уже упоминавшихся сумок из паспортных обложек и детской куртки, доставленной тканью из зонта, респондентами упоминается «...пальто из кожаных папок канцелярских. Помню красивый вишневый цвет, смотрелось очень

хорошо, будто поперечные швы»; другая респондентка рассказывает про «...детский пододеяльник с дыркой ромбиком, я перешила его в платье, ромбик стал горловиной». Стельки для обуви могли стать кожаной курткой: «Однажды в пустующем обувном я увидела ортопедические (это важно!) кожаные стельки дивного жемчужно-го цвета. И в голове щелкнуло. Спрашиваю продавщиц: «У вас их много?» — «Да полно!» Тут же, в магазине, с маленьким сыном села считать, продавщицы увлеченно помогали — таскали сантиметр, выбирали максимальные размеры. Купила штук 50, еще нашли штук 5 обалденного красного цвета. Стоило это счастье 16 копеек за пару, в сумме — 8 рублей. Вовремя сообразила, что рукава из стелек гнуться не будут, нашла в комиссионке юбку один в один красного цвета из толстого трикотажа, — из нее вышли рукава и шикарный воротник-стойка на кулиске, почти капюшон. Красным отделали карманы. Почему важно, что ортопедические: это сверху стелька, из которой вырезала ромбы, а внизу присобачен кусок кожи, в который вставлена поли-чего-то-хрень. То есть пришлось все распарывать и вынимать». В этом случае, как и в случае рюкзака из перчаток и курточки из рабочих рукавиц, стоит оценить глубину апсайклинга: возможность заполучить в гардероб ценную вещь была в этот период настолько значимой, а готовность к тяжелой работе ради такой цели — настолько привычной для многих апсайклеров, что масштаб задачи не пугал тех, кто ввязывался в подобное предприятие (если не оказывался привлекательным сам по себе — в качестве творческого вызова).

С технической точки зрения огромное значение имел бриколаж — создание одной вещи из нескольких исходных предметов (не обязательно, разумеется, вестиментарных). Ольга Герасимова называет бриколаж как метод апсайклинга вещей своего рода признаком «ментальной изворотливости» человека советского (Герасимова, Чуйкина 2004). В позднесоветском апсайклинге практика бриколажа зачастую еще более удаляла уникат от «настоящих» вещей, и хотя уникаты и были относительно общественно приемлемым видом одежды, именно результаты бриколажа могли вызывать смешанные чувства как у пользователей таких уникатов, так и у сторонних наблюдателей, — от безразличия или гордости до стыда и неловкости: «У меня в походе сгорел рукав у штормовки. <...> Новую штормовку найти было трудно или дорого. Я взял потом дома рукав от старой изношенной отцовской гимнастерки (тоже зеленой) и пришил вместо утраченного. Вид был — как будто из-под штормовко-безрукавки торчит рубашка. Но это меня тогда не смущало»; «Из одеяла в клетку и детского пальто мама мне сшила пальто — лиф в клетку, рукава

однотонные»; «На подклад пошли мои детские байковые пеленки (большие белые полотна), а утеплитель был из шерсти, вычесанной из нашей собаки и простеганной между марлями»; «Мне из двух колготок сделали одни, но подлиннее. От одних был верх, как шортики до середины бедра, от других — ножки. Разного цвета. Чувства были странные»; «Мне сшили платье из парчовой скатерти и бархатного чехла, в который была завернута дедушкина флейта. От скатерти же была бахрома, и это было совершенно понятно, меня таскали в этом платье на все дни рождения, где я умирала от позора». Бриколаж повышал риск того, что культурная история вещи будет раскрыта, и результатом этого могла стать гордость за свою или чужую «ментальную изворотливость» — или острое переживание своей ущербности из-за такого явного отсутствия «настоящих» вещей.

Однако время от времени проступание культурного прошлого вещи — особенно если оно было привлекательным и имело романтический привкус — сквозь ткань (пусть будет так) времени воспринималось ее обладателями как вполне желанное свойство уникала: «Ветровку покрасили в розовый цвет, спереди сделали вышивку и аппликации на пятна. Носила несколько лет с гордостью, потому что не просто шмотка, а „с историей“»; «Было лет 17-18, перешивали каракулевую шубку троюродной прабабушки — жены профессора и делали подкладку из небесного цвета атласа. Чувствовала себя ужасно модной, — такой винтаж с историей и все мне»; «У бабушки хранился кусок парашютного шелка с войны, у меня появилась прекрасная юбка-плиссе» (здесь стоит вспомнить долгую традицию военного и поствоенного шитья из парашютного шелка⁷). Наличие у вещи «персональной истории» могло стать причиной не только частного персонального переживания, но и публичного нарратива: «Носила дедушкин роскошный довоенный твидовый костюм в клетку. Дедушка у меня был маленький, но широкий в плечах, и всем приходилось объяснять, что костюм дедушкин и дедушка был щеголь и за весь период ухаживания за бабушкой ни разу не пришел в одной и той же рубашке. По мне так это только прибавляло костюму шика в глазах окружающих».

9 «В НЕВЕРОЯТНОМ ВОСХИЩЕНИИ»: восприятие результатов апсайклинга

«Мачеха однажды из своего синего шелкового платья в белый горох, довольно неудачного, в ателье сделала мне изумительное платьице с рукавами фонариком, с воротничком, с поясом — весь класс упал

в обморок». Это — возможно, несколько преувеличенное — описание позитивной реакции окружающих на созданный в результате апсайклинга уникат — вполне типичный пример того, как многие респонденты, поучаствовавшие в моих опросах, и другие рассказчики о вестиментарных переделках интересующего нас (да и более раннего) периода запомнили впечатление, производимое на наблюдателей плодами их трудов. «Друг был в невероятном восхищении», «завидовали все», «сотрудницы были в отпаде», «мы с платьем произвели фурор», «мужчины падали к моим ногам штабелями», «успех был грандиозным» — интонации некоторого преувеличения и едва ли не экзальтации (даже если допустить в них некоторую долю самоиронии), сопровождающие рассказы о гардеробных (и связанных с ними социальных — «Юбка имела успех. Я тоже имела успех») достижениях апсайклеров в высшей степени свойственны воспоминаниям этого рода (крайне интересно и показательно, что о негативных реакциях опрашиваемые упоминают предельно редко — см. раздел 4: это может быть среди прочего связано как с этикетом, не позволявшим окружающим делать замечания, так и с механизмом вытеснения неприятных воспоминаний, и с нежеланием делиться нарративами о неуспехе, — но даже это не объясняет того воодушевления, с которым нарративы о достижениях эмоционально окрашиваются в яркие цвета и излагаются в приподнятом тоне).

Помимо триумфальных описаний реакции окружающих как таковой («Все перешивалось, перекраивалось и носилось. И вызывало восхищение окружающих, кстати»; «Из двух китайских наволочек сшила платье, блистала на первом курсе»), в этих нарративах часто фигурирует тема объективных или субъективных доказательств выдающихся достоинств униката, — и одним из таких бесспорных доказательств могла служить зависть со стороны окружающих: «Еще раньше сшила верх для стеганых сапожек из плащевки и в мастерской этот верх прикрепили на подошву от туфель. Мне вся группа в техникуме завидовала»; «Как же мне завидовали коллеги! Все ходили в стандартных бесформенных, а тут я, красotka!»; «Из самого экстравагантного — в первой половине 90-х из двух пар одинаковых черных „бархатных“ леггинсов сшила вечернее платье в пол, а из блестящих эластичных лосин — обалденный „сплошной“ купальник. И то, и другое пользовалось большим успехом, получила много комплиментов и порцию зависти». Если учитывать, что зависть массово интерпретируется как желание иметь то, что есть у другого, можно понять, почему упоминания зависти так распространены: они демонстрируют желанность — и, следовательно, высокую ценность созданного униката, зачастую более высокую, чем

у менее впечатляющих «настоящих» вещей: «У меня были и фирменные джинсы, и привезенное папой парижское платье шелковое в стиле Диора, но завидовали открыто только этому связанному из старого свитера вышитому жилету. Но я действительно постаралась». Другими доказательствами успеха могли служить подражание («Я эти джинсы разрезала (сейчас это называлось бы distressed jeans) и пообшивала цветными нитками, патчи самодельные нашила... вдохновила многих последовать моему примеру, так что я уже тогда trendsetter'ом стала»), прямое (пусть и запоздалое) признание достоинств гардероба («Прошло 30 лет с тех пор, прислали мои бывшие студенты, собравшиеся на 30-летие выпуска, что я была для них „иконой стиля“»), или реакция авторитетных лиц, причем как позитивная, так и негативная: «...такие колготки: мне нравилось, казалось стильным, а уж когда в школе пытались запретить (типа слишком нарядно, колготки с рисунком) — мы с подругами вообще возгордились»; «...мимо проходит одна из стильных красавиц курса, оглядывает меня с ног до головы и говорит комплиментарным тоном — боже мой, какой стиль! Помню, была счастлива». Наконец, радикальным доказательством успеха может служить кража униката: «...я таки эту куртку сшила. Прямо скажу, с высоты себя нынешней, это, конечно, было несколько панковским прикидом, но я была жутко горда собой и ходила в ней в школу. Где ее (абсолютно неожиданно для меня) украли местные подростки». Не менее приподнятые интонации свойственны описаниям собственных ощущений при ношении созданных уникатов: помимо упоминаний о том, что их хозяйки чувствовали себя «самыми модными», «королевами», «королевишнями», «на миллион долларов», «красавицами», «самыми нарядными в школе» и «очень крутыми», в этих нарративах постоянно присутствует мотив гордости за свои вещи — и этот мотив кажется чрезвычайно важным и показательным: «Такие перерождения всегда приносили радость и чувство гордости — и мы можем красиво и тепло, и мы не лыком шиты!» Этот, представляющийся крайне ценным, пример высказывания, полученного от одной из респонденток, показывает значимость сразу нескольких параметров, которые могли служить основанием для «гордости» (в понимании собственной ценности, отражения положительной самооценки): во-первых, апсайклинг позволял сравнивать себя с другими если не со знаком плюс, то хотя бы со знаком равенства, позволяя «не отставать от соседей» в момент выстраивания новой вестиментарной культуры и нового вестиментарного языка (Горалик 2007); а во-вторых, эстетические и/или прагматические качества униката были «на высоте», не хуже, чем у «настоящей» вещи, и это служило поднятию творческой и практической

самооценки автора (или маленького, обычно семейного, коллектива авторов — здесь стоит заметить, что не так уж редко речь идет о совместной работе матери и дочери, двух подруг или трех поколений женщин в одной семье и что это встраивается в исторический нарратив рукоделия как женской коллективной практики (Тихомирова 2015), еще раз показывая, что речь в интересующий нас период шла скорее об укреплении практик советского прошлого, чем о разрыве с ними): «Я была ужасно горда, что получился такой дизайнерский вариант, а не какая-нибудь юбка в клетку, которые тоже приходилось самой шить»; «Когда эти наряды появлялись на свет, я всегда чувствовала себя членом тайного сообщества кутюрье и изобретателей!»; «Как я себя чувствовала? Да вообще самой крутой на свете! После той юбки я поняла, что могу сделать своими руками вообще все из всего»; «Гордилась тем, что моя мама может такое делать и что я тоже приложила к этому руку». По прошествии плюс-минус тридцати лет у тех, чьи воспоминания связаны с чувством гордости и радости, может появиться более трезвая оценка результатов тогдашних экспериментов («Это было мило, слегка нелепо, но у меня все еще очень теплые воспоминания об этих творческих экспериментах»; «Сейчас вспоминается как нечто забавное и милое»; «Шорты были странные, конечно»), но даже в этих случаях общий тон нарративов не меняется — вещи оцениваются как эстетически очень удачные, а сам факт переделки — как значимое свершение. В конце концов, иногда значение уникала в жизни его хозяина действительно трудно переоценить — и именно факт вложения в создание вещи собственных усилий, по-видимому, играл здесь ключевую роль, делая вещь настолько близкой обладателю, насколько это вообще возможно: так, один респондент рассказывает, что у него «было туго со своими вещами, и [переделанная из женской курточки-косушки] жилетка была настолько своей, что вселяла уверенность в себе. Первая по-настоящему „своя“ вещь, она некоторым образом подтверждала мое право быть»; как замечает Екатерина Деготь, уникальная, специально для нас сделанная вещь, пусть даже она не очень красива, кажется нам таковой: «развод с нами ей не угрожает» (Деготь 2000).

10 «Моднее Парижа»: между уникалом и «настоящей» вещью

В своей статье «Общество ремонта» Екатерина Герасимова и Ольга Чуйкина говорят о том, что доводить аутентичные самодельные вещи — эрзацы статусных символов — до «фирменного вида» было одним из важных социальных навыков тех, кого мы назвали бы

апсайклерами (речь в их статье, разумеется, шла не только об одежде): «Вообще этот процесс воспринимался спокойно, главное во втором рождении вещей — добиться полной непохожести на советский исходник»; «Я себя в этом костюме чувствовала себя на миллион долларов. Все мне говорили, как он мне идет и где я его купила. Выглядел он как невероятный импорт» (Герасимова, Чуйкина 2004). В этом смысле сверхсоветскость постсоветского вестиментарного опыта снова выходит на первый план, поскольку «настоящие» (то есть несоветские, импортные, в первую очередь (Горалик 2007), — хотя, как будет показано ниже, из этого правила допускались исключения) вещи в интересующий нас период постепенно переставали быть доступными в основном околопартийной элите и другим представителям высших сфер распадающейся страны — их мог приобрести каждый, у кого были для этого средства, но именно наличие средств и представляло собой проблему для большинства. Однако сама идея наличия импортных вещей в гардеробе каждого уже не казалась удивительной, а соблазн обладания ими был велик («Она говорила: „Моя любимая фирма — Naf-Naf“, и я падала в обморок от зависти» (Горалик 2007)) — и вместе это создавало ситуацию, когда всякая вещь потенциально могла быть «настоящей»: «По умолчанию мои вещи считались импортными, спрашивать никто не решался». Импортность была не единственным критерием «настоящести» — в силу самой ситуации для апсайклера значительным бывало уже то, что вещь принимали за фабричную или сшитую профессионалом: «Я придумала „нашу портниху Зою“ и рассказывала про то, как она восхищается моими креативными идеями про фасоны и отделку», — здесь, заметим, респондентка получает «двойную награду», — тайную — за качество работы «портнихи Зои» и явную — за собственные дизайнерские достижения. По свидетельству одной из респонденток, роль «портнихи Зои» в одном случае выполнял, по сути, модельер Слава Зайцев: «Мои родители сходили к нему, что-то купили (в том числе мне платье на выпускной), и почему-то он дал сестре моей маленькие бирочки со своим именем, он их нашивал на видные места. И она спросила, можно ли ихшить на пиджаки, которые только что купили во Франции, а он сказал — конечно! Потом она ходила в пиджаках „от Зайцева“. Он тогда был моднее Парижа», — этот пример, кажется, отлично демонстрирует, что при необходимости мы можем говорить о своего рода «шкале настоящести» (или, выбрав другой дискурс, — о «шкале желанности») вещей для апсайклера (и широко распространенная практика создания, нашивания и перешивания фирменных и псевдофирменных бирок как поверхностная форма

апсайклинга здесь будет играть важную роль): советская фабричная вещь — вещь от портного или портнихи — импортная вещь как таковая («несоветская вещь») — «фирменная вещь» (то есть вещь с узнаваемым именем бренда или дизайнера). Однако далеко не всегда вещь можно было распознать как настоящую по таким внешним признакам, как бирка или ее явная внешняя «необщественность» и «несоветскость»; очень часто апсайклинг подразумевал, что ношение вещи сопровождается нарративами, и эти нарративы были призваны решать одновременно две задачи: скрывать нежелательную культурную биографию вещи (см. раздел 6) и создавать ложную, но желательную биографию, своего рода «легенду» вещи: «Про каждую переделанную шмотку у меня была байка, где и как мы ее купили или достали, в этих байках тоже было наслаждение и целый мир, я себя ни разу не выдавала»; «В 80-х я взял у пацанов во дворе трафарет индейца и „набил“ его на футболку. Почему я сделал это масляной краской, которой красили заборы и скамейки, я уже не помню. Футболка сохла дня три, а потом так нещадно воняла, что заходить в ней в помещение было решительно невозможно. Но я все равно ее носил и даже пытался врать окружающим, что она импортная». Интересно, что одним из самых распространенных нарративных приемов для создания биографической легенды вещи был прием умолчания, — апсайклеры упорно отказывались отвечать на вопрос о том, откуда взялся новый предмет гардероба, или уходили от ответа. Не исключено, что в ряде случаев они выдавали этим себя или создавали почву для необоснованных слухов или даже конфликтных социальных ситуаций, — но это, по видимости, было в определенной мере предпочтительнее, чем признаться, что вещь «не настоящая»: «Когда что-то получалось очень удачно, то удовольствие и гордость, потому что концов не найти»; «Все подружки завидовали, я тайну никому не открыла»; «Загадочно отвечала: подарили, обо мне говорили, что у меня богатый любовник — кооператор». Даже когда речь шла о разрыве социальных контактов, тайну вещей могли продолжать хранить: «Моя будущая свекровь как раз много чего перешивала секондого. Они жили в столице, тут бренды водились даже не на секунде, но на них денег не было. По итогу девочка, с которой дружила в детстве племянница, перестала с ней общаться. Мама девочки потом поведала, что „ваша вон как выглядит, а у моей таких вещей нет“. Они не знали, что завидовать, в общем-то, нечему». Дело могло быть вовсе не в тщеславии — от восприятия вещей, в которых ходит ребенок, как «настоящих», могло зависеть общественное мнение о материальном состоянии и социальном статусе семьи в целом. В сущности, именно

это всегда было на кону, когда апсайклер надеялся, что в результате его работы у нового, переработанного предмета гардероба «концов будет не найти», — и это резко отличало такую категорию апсайклеров от тех (довольно немногочисленных) участников процесса по переделке одежды, кто открыто гордился результатами своих трудов (см. раздел 4), — но тоже был вынужден прибегать к устным нарративам, чтобы донести до окружающих культурную историю создаваемых ими вещей.

11 «Очень сложно психологически»: последствия «эпохи тотального апсайклинга»

«На фотографиях всех первых свадеб моих тогда юных друзей я — в своих творениях! И знаете, очень ничего! Потом я уехала, так что мой неожиданный всплеск domesticity прекратился навсегда», — свидетельствует одна из участниц опроса. Эта характерная реплика, возможно, дает нам некоторое право судить о том, насколько уникальными в плане массового вестиментарного творчества были «смещенные девяностые» в России: многие участники и участницы моих опросов и интервью отчетливо выделяют это время как время неповторимого дизайнерского подъема, когда «с вещами можно было делать что угодно» — не в последнюю очередь потому, что «носить можно было что угодно» (см. раздел 1): «Мне бы и сейчас не было стыдно ни за один из моих прошлых самопальных нарядов», — замечает одна из респонденток. — «К сожалению, сейчас мало увидишь на улице настоящей фриковатой молодежи, все как-то очень причесано у них, все вписывается в определенный формат, из которого шаг влево, шаг вправо — расстрел». Эту связь между невозможностью или ненужностью апсайклинга из-за субъективного ощущения запрета на «фриковатость», понимаемую как трансгрессию в costume, или из-за неготовности носить вещи, явно созданные при недостатке профессиональных портновских навыков, отвечающие упоминают не раз и не два: «Сейчас не надену самострок: я не портниха, а тогда такое все носили». Однако случается и так, что культурная биография некоторых вещей, созданных в «смещенных девяностых», не заканчивается и поныне — или продолжалась бы, по мнению респондентов, если бы вещь технически выдержала испытание временем: «Получилась обалденная юбка, темно-серая с оранжевыми кругами. Лет пять еще носила, пока ткань не начала расплзаться. Даже сейчас была бы крутая вещь, но марлевка так долго не живет». Причиной долгой жизни таких уникалов может

быть, в первую очередь, оценка их эстетических качеств как достаточно высоких, чтобы соответствовать требованиям сегодняшнего дня: «До сих пор ношу собственную переделку из 90-х. Верх от джинсов, низ от юбки, у которой буквально рассыпалась резинка. По подолу пришила строчку кружева. Получился ковбойский стиль»; «Сейчас эту „безрукавку сторожа“ с летучей мышью, пуговицами и тесьмой в розочках носит мой двадцатичетырехлетний старший сын, когда едет в лес на игры или просто потусить. Очень он ее любит. Особенно вышитую петельным швом летучую мышшь». Другой причиной может быть сильная эмоциональная привязанность хозяина к вещи: «Перешивала с портнихой мамино выпускное платье себе на выпускной. А потом повесила результат возле своей кровати чтоб видеть каждый день и чтоб был стимул бегать по утрам держать себя в форме к дню Д. На выпускной в итоге пошла в другом платье, но то переделанное храню бережно». В последнем случае эстетические качества уникала могут даже оцениваться как очень низкие, — но сентиментальная привязанность оказывается настолько высока, что берет верх: «Иногда ношу [это пальто]. Оно выглядит шо ад, но я его люблю все равно».

Роль апсайклинга как повседневного занятия в интересующий нас период могла быть настолько велика — причем, как было показано выше (см. раздел 4), не столько в прагматическом, сколько в творческом, социальном и психологическом планах, — что расстаться с ней, когда практическая необходимость в постоянной переделке вещей отпала, зачастую оказывалось тяжело: «Долго переделывала и не носила уже после того, как появились деньги». Одной из проблем, по-видимому, оказывалось то, что «оптика апсайклера» не отключалась сразу (а у некоторых информантов не отключилась и по сей день), и привычка прозревать в старых вещах новые сохранилась, подстегивая дизайнерские настроения: «Избавится от привычки переделывать и перешивать потом очень трудно. До сих пор с трудом заставляю себя избавляться от старой одежды, потому что столько всего интересного из нее можно было бы сделать»; «Переделки одежды до сих пор любимое мое занятие, отдавать вещи, или выкидывать их невыносимо, всегда кажется, что их ждет новая судьба!»; «И сейчас бы продолжала, как хобби, но у меня давно нет машинки швейной...». Дополнительной легитимацией для апсайклинга могут сегодня служить как прежние, игравшие роль и в «смещенных девяностых», соображения (экономия, желание получить новую вещь без затрат, нежелание «выбрасывать хорошее»), так и появившиеся в последнее время новые доводы — например, экологические и антикапиталистические. Однако последствия периода тотального апсайклинга

могли быть и совершенно обратными: например, если необходимость в переделке вещей была связана в первую очередь с нуждой, травма «смещенных девяностых» могла вызвать стойкую неприязнь к этому занятию, проходившую далеко не сразу: «Потом я лет 10 не шила ничего, — это так прочно ассоциировалось с бедностью. Теперь вспоминаю — да это же было все так круто! Полет дизайнерской мысли и фантазии. Крутые вещи из ничего буквально». Другим проявлением своего рода травмы могла быть неуверенность в своих портновских навыках и чувство себя не вправе ставить дизайнерские эксперименты ни на чем, кроме старых вещей: «Потом было очень сложно психологически взять и раскроить новую ткань. Как будто раньше я давала вещам новую жизнь, а теперь должна испортить» (этот пример, возможно, хорошо иллюстрирует причину определенной смелости некоторых апсайклеров в «смещенных девяностых»: старую, доживавшую свой век вещь было нестрашно «испортить» переделкой, ее можно было только «улучшить»). Третьим примером тотального апсайклинга как травмирующего опыта была необходимость носить неидеально сшитые, неидеально сидящие вещи: «Был и полет фантазии, и гордость, но в жизни больше не возьмусь: всегда что-то где-то тянуло, мяло, жало, тошно вспоминать, хотя переделать иногда тянет и вещи жалко». Так или иначе, судя по всему, для многих из тех, кто пережил «смещенные девяностые», сколько-нибудь интенсивно занимаясь апсайклингом одежды, процесс этот прошел небесследно.

Ольга Гурова показывает в своем исследовании «Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья» (Гурова 2004), что «в советской культуре вещи функционируют в режиме постоянного, непрекращающегося потребления» и что, в некотором смысле, сама суть «советскости» вещей — «в неизменности и незаменимости, в бесконечной возобновляемости функционирования предметов». В сверхсоветском (по многим параметрам — см. раздел 1) вестиментарном пространстве «смещенных девяностых», в эру тотального апсайклинга это свойство вещей многократно усилилось в силу целого ряда факторов — от экономических до социальных — и стало сходиться на нет только по мере того, как стали исчезать специфические обстоятельства, породившие его. Хотелось бы ошибиться, но возникающая в данный момент на фоне новых экономических обстоятельств ситуация может привести к тому, что апсайклинг — хоть и куда менее тотальный — вновь станет относительно распространенной практикой, — по крайней мере, более распространенной, чем сегодня, когда в больших городах развитых стран он бытует в первую очередь в качестве хобби или практики, основанной на

личных убеждениях. Если это произойдет, то старшим поколениям сегодняшних россиян могут вновь пригодиться их советские технические навыки — но при этом в их распоряжении (как и, разумеется, в распоряжении младших поколений) будет, хочется полагать, огромный корпус онлайн-инструкций самого разного рода. Спустя тридцать с лишним лет с момента начала перестройки вестиментарный мир «человека сверхсоветского», видимо, остался в прошлом.

Литература

- Бартлетт 2011* — Бартлетт Дж. FashionEast. Призрак, бродивший по Восточной Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Вайнштейн 2007* — Вайнштейн О. «Мое любимое платье»: портниха как герой в советской России // Теория моды: одежда, тело, культура. 2007. № 3.
- Веселова 2005* — Веселова И. Тряпичная парадигма, или «В рипках родились, в рипках жили, в рипках и помрем // Антропологический форум. 2005. № 2.
- Герасимова, Чуйкина 2004* — Герасимова Е., Чуйкина С. Общество ремонта // Неприкосновенный запас. 2004. № 2.
- Горалик 2007* — Горалик Л. Антресоли памяти: воспоминания о костюме 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 2.
- Гурова 2004* — Гурова О. Продолжительность жизни вещей в советском обществе: заметки по социологии нижнего белья // Неприкосновенный запас. 2004. № 2 (34).
- Деготь б.д.* — Деготь Е. Память тела: Литературный проект для выставки «Память тела. Нижнее белье советской эпохи. old.guelman.ru/slava/degot/index.html.
- Деготь 2000* — Деготь Е. От товара к товарищу: К эстетике нерыночного предмета // Логос. 2000. № 5/6.
- Орлова 2004* — Орлова Г. Апология странной вещи: «маленькие хитрости» советского человека // Неприкосновенный запас. 2004. № 2.
- Тихомирова 2015* — Тихомирова А. Позднесоветский «апсайклинг»: поколенческая преемственность в женских практиках перешива одежды в брежневском СССР // Теория моды. 2015. № 37.
- Чернова 2012* — Чернова В. Мечты и реалии нерядовой советской модницы // Теория моды: одежда, тело, культура. 2012. № 23.
- Golubev & Smolyak 2013* — Golubev A., Smolyak O. Making selves through making things: Soviet do-it-yourself culture and practices of late Soviet subjectivation // L'expérience soviétique à son apogée — Culture et société des années Brežnev. 2013. Vol. II. No. 54 (3–4).

Примечания

1. Здесь и далее в цитатах сохранены авторские орфография и пунктуация.
2. Здесь и далее: деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов — социальных сетей Facebook и Instagram запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22 марта 2022 г. по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (*Прим. ред.*)
3. См. проект личных историй PostPost.Media.
4. Выставка в ЦСК «Гараж» «Альтернативная мода до прихода глянца», 1985–1995. 28 апреля — 13 июня 2011 г.
5. См. примечание выше.
6. Платье-комбинация — главный тренд моды уходящего и наступающего года // Vogue.ru. 2015. 30 декабря.
7. Платье из парашюта // Gornovosti.ru. 2010. 10 февраля.